

Содержание

Тэффи

Как я стала писательницей

9

РАССКАЗЫ

Выслужился	15
Проворство рук	21
Кокаин	24
Покаянное	29
Свой человек	32
В стерео-фото-кине-скопо-био-фоно и проч.-графе	35
Курорт	37
Новый циркуляр	40
Модный адвокат	45
Веселая вечеринка	49
Игра	57
Семейный аккорд	59
Даровой конь	62
Переоценка ценностей	65
Политика воспитывает	69
Семья разговляется	72
Нянькина сказка про кобылью голову	76
Страшный ужас (<i>Рождественский рассказ</i>)	80
За стеной	84
Политика и наука	93
Утешитель	97
Морские сигналы	99

Странный прыжок	102
Патриот	108
Из весеннего дневника	111
Дача	115
Жизнь и воротник	120
Сезон бледнолицых	123
Карьера Сципиона Африканского	126
Изящная светопись	131
Они поют...	135
Анафема	138
К теории флирта	141
Человекообразные	144
Экзамен	150
Святой стыд	154
Факир	159
Тонкая психология	165
Кулич	170
Брошечка	174
Седая быль	179
«Де»	184
Антей	187
Предсказатель прошлого	191
Два Вили	195
Горы	200
«Предпраздничное»	220
Дачный разъезд	226
«Tanglefoot»	230
Ревность	232
Арабские сказки	237
Переводчица	241
Потаповна	244
Письма издалека	248
Путешествие	248
Курорт	251
Вода	252
Доктор	253
Больной	254
Музыка	256

Русские	256
Лакей	258
Маски	260
Разговоры	263
Рекламы	267
Аэродром	270
Причины и следствия	274
С незапамятных времен	279
Прачечная	281
Неделикатности	286
Завоевание воздуха	289
Когда рак свистнул (<i>Рождественский ужас</i>)	292
Путешественник	297
Маркита	301
Виртуоз чувства	307
Самоотверженная любовь	312
Жильцы белогосвета	314
Неживой зверь	321
Олень	327
Троицын день	334
Крепостная душа	339
Старухи	343
Заяц	347
Аптека	350
Дедушка Леонтий	356
Исповедь	362
Приготовишка	366
Весна	370
Летом	373
Счастливая	376
Зеленый праздник	379
Пар	382
Явдоха	385
Новый крест	390
Тихая заводь	395
Чертик в баночке (<i>Вербная сказка</i>)	400
Лодка	403
Сердце	409

Француженка	416
Дэзи	420
Счастье	423
Ведьма	428
Вурдалак	440
Домовой	450
Лешачиха	462
«Домашние»	476
Баннный черт	480
Русалка	491
Оборотни	502
Собака (<i>Рассказ незнакомки</i>)	514
«Чудит»	538
«Который ходит»	557

ПРЕДЕЛ

Повесть

563

АВАНТЮРНЫЙ РОМАН

601

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС

Фантастическая шутка в I-м действии

715

РАСПУТИН

Воспоминания

737

СТИХОТВОРЕНИЯ

Из книги «Семь огней»

769

КАК Я СТАЛА ПИСАТЕЛЬНИЦЕЙ

Как я начала свою литературную деятельность? Чтобы ответить на этот вопрос, надо «зарыться в глубь веков». В нашей семье все дети писали стихи. Писали втайне друг от друга стихи лирические, сочиняли вместе стихи юмористические, иногда экспромтные.

Помню как сейчас: входит самая старшая сестра в нашу классную комнату и говорит:

— Зуб заострился, режет язык.

Другая сестра уловила в этой фразе стихотворный размер, подхватывает:

— К этой боли я не привык.

Тотчас все настраиваются, оживают.

— Можно бы воском его залечить.

Но как же я буду горячее пить? — спрашивает чей-то голос.

— И как же я буду говядину жрать? — раздается из другого угла.

— Ведь не обязаны все меня ждать! — заканчивает тоненький голосок младшей сестры.

Стихи сочиняли мы все. Конечно, и я.

Но в первый раз увидела я свое произведение в печати, когда мне было лет тринадцать.

Это была ода, написанная мною на юбилей гимназии, в которой я в то время училась.

Ода была чрезвычайно пышная. Заканчивалась она словами:

И пусть грядущим поколениям,
Как нам, сияет правды свет,

Здесь, в этом храме просвещения,
Еще на много, много лет.

Вот этим самым «храмом просвещения» дома донимала меня сестра.

— Надя! Лентяйка! Что же ты не идешь в свой храм просвещения? Там сияет правды свет, а ты сидишь дома! Очень некрасиво с твоей стороны.

Допекали долго.

Таков был мой самый первый шаг на литературном поприще.

Второй шаг был таков: сочинили мы с сестрой пресмешную песенку о Фульском короле, пародию на песню Маргариты из «Фауста».

Решили ее напечатать.

Совсем сейчас не помню, что это была за редакция, куда мы пошли. Помню только, что над головой редактора висело на стене птичье чучело.

Это поразившее наше воображение обстоятельство отразилось в стихах:

Над редактором висело
Птичье чучело,
На редактора глядело,
Глаза пучило.

Стихотворения нашего редактор не принял и все спрашивал: «Кто вас послал?» А потом сказал: «Передайте, что не годится». Очевидно, не верил, что две испуганные девчонки, которых ждала в передней старая нянюшка, и есть авторы.

Таков был мой второй шаг.

Третий, и окончательный, шаг был сделан, собственно говоря, не мной самой, а, если так можно выразиться, за меня шагнули.

Взяли мое стихотворение и отнесли его в иллюстрированный журнал, не говоря мне об этом ни слова. А потом принесли номер журнала, где стихотворение напечатано, что очень меня рассердило. Я тогда печататься не хотела, потому что

одна из моих старших сестер, Мирра Лохвицкая, уже давно и с успехом печатала свои стихи. Мне казалось чем-то смешным, если все мы полезем в литературу. Между прочим, так оно и вышло. Кроме Мирры (Марии), другая моя сестра, Варвара, под псевдонимом Мюргит, помещала свои очерки в «Новом времени», а пьесы ее шли в «Кривом Зеркале», а самая младшая, Елена, тоже оказалась автором нескольких талантливых пьес, шедших в разных театрах.

Итак — я была недовольна. Но когда мне прислали из редакции гонорар — это произвело на меня самое отрадное впечатление. Впечатление это я пожелала повторить и написала целый фельетон в стихах, в котором с веселой беззастенчивостью молодого языка хватала зубами за самые торжественные ноги, шествующие по устланному вянущими лаврами пути.

О фельетоне заговорили. Кто смеялся, кто возмущался, кто ликовал. Был «бум». Редакция попросила продолжать. Большая газета пригласила сотрудничать. Остальное ясно.

Тэффи.

Выслужился

У Лешки давно затекла правая нога, но он не смел переменить позу и жадно прислушивался. В коридорчике было совсем темно, и через узкую щель приотворенной двери виднелся только ярко освещенный кусок стены над кухонной плитой. На стене колебался большой темный круг, увенчанный двумя рогами. Лешка догадался, что круг этот не что иное, как тень от головы его тетки с торчащими вверх концами платка.

Тетка пришла навестить Лешку, которого только неделю тому назад определила в «мальчики для комнатных услуг», и вела теперь серьезные переговоры с протезировавшей ей кухаркой. Переговоры носили характер неприятно-тревожный, тетка сильно волновалась, и рога на стене круто поднимались и опускались, словно какой-то невиданный зверь бодал своих невидимых противников.

Разговор велся полным голосом, но на патетических местах падал до шепота, громкого и свистящего.

Предполагалось, что Лешка моет в передней калоши. Но, как известно, человек предполагает, а Бог располагает, и Лешка с тряпкой в руках подслушивал за дверью.

— Я с самого начала поняла, что он растяпа, — пела сдобным голосом кухарка. — Сколько раз говорю ему: коли ты, парень, не дурак, держись на глазах. Хушь дела не делай, а на глазах держись. Потому — Дуняшка оттирает. А он и ухом не ведет. Давеча опять барыня кричала — в печке не помещал и с головешкой закрыл.

Рога на стене волнуются, и тетка стонет, как эолова арфа:

— Куда же я с ним денусь? Мавра Семеновна! Сапоги ему купила, не пито, не едено, пять рублей отдала. За куртку за переделку портной, не пито, не едено, шесть гривен содрал...

— Не иначе как домой отослать.

— Милая! Дорога-то, не пито, не едено, четыре рубля, милая!

Лешка, забыв всякие предосторожности, вздыхает за дверью. Ему домой не хочется. Отец обещал, что спустит с него семь шкур, а Лешка знает по опыту, как это неприятно.

— Так ведь выть-то еще рано, — снова поет кухарка. — Пока что никто его не гонит. Барыня только пригрозила... А жилец, Петр Дмитрич-то, очень заступается. Прямо горой за Лешку. Полно вам, говорит, Марья Васильевна, он, говорит, не дурак, Лешка-то. Он, говорит, форменный адеот, его и ругать нечего. Прямо-таки горой за Лешку.

— Ну, дай ему бог...

— А уж у нас, что жилец скажет, то и свято. Потому человек он начитанный, платит аккуратно...

— А и Дуняшка хороша! — закрутила тетка рогами. — Не пойму я такого народа — на мальчишку ябеду пущать...

— Истинно! Истинно. Давеча говорю ей: «Иди двери отвори, Дуняша», — ласково, как по-доброму. Так она мне как фыркнет в морду: «Я, грит, вам не швейцар, отворяйте сами!» А я ей тут все и выпела. Как двери отворять, так ты, говорю, не швейцар, а как с дворником на лестнице целоваться, так это ты все швейцар...

— Господи помилуй! С этих лет до всего дошпионивши. Девка молодая, жить бы да жить. Одного жалованья, не пито, не...

— Мне что? Я ей прямо сказала: как двери открывать, так это ты не швейцар. Она, вишь, не швейцар! А как от дворника подарки принимать, так это она швейцар. Да жильцову помаду...

Трррр... — затрещал электрический звонок.

— Лешка-а! Лешка-а! — закричала кухарка. — Ах ты, провались ты! Дуняшу услали, а он и ухом не ведет.

Лешка затаил дыхание, прижался к стене и тихо стоял, пока, сердито гремя крахмальными юбками, не проплыла мимо него разгневанная кухарка.

«Нет, дудки, — думал Лешка, — в деревню не поеду. Я парень не дурак, я захочу, так живо выслужусь. Меня не затрешь, не таковский».

И, выждав возвращения кухарки, он решительными шагами направился в комнаты.

«Будь, грит, на глазах. А на каких я глазах буду, когда никого никогда дома нет».

Он прошел в переднюю. Эге! Пальто висит — жилец дома.

Он кинулся на кухню и, вырвав у оторопевшей кухарки кочергу, помчался снова в комнаты, быстро распахнул дверь в помещение жильца и пошел мешать в печке.

Жилец сидел не один. С ним была молоденькая дама, в жакете и под вуалью. Оба вздрогнули и выпрямились, когда вошел Лешка.

«Я парень не дурак, — думал Лешка, тыча кочергой в горящие дрова. — Я те глаза намозолю. Я те не дармоед — я все при деле, все при деле!..»

Дрова трещали, кочерга гремела, искры летели во все стороны. Жилец и дама напряженно молчали. Наконец Лешка направился к выходу, но у самой двери остановился и стал озабоченно рассматривать влажное пятно на полу, затем перевел глаза на гостьины ноги и, увидев на них калоши, укоризненно покачал головой.

— Вот, — сказал он с упреком, — наследили! А потом хозяйка меня ругать будет.

Гостья вспыхнула и растерянно посмотрела на жильца.

— Ладно, ладно, иди уж, — смущенно успокаивал тот.

И Лешка ушел, но ненадолго. Он отыскал тряпку и вернулся вытирать пол.

Жильца с гостьей он застал молчаливо склоненными над столом и погруженными в созерцание скатерти.

«Ишь, устались, — подумал Лешка, — должно быть, пятно заметили. Думают, я не понимаю! Нашли дурака! Я все понимаю. Я как лошадь работаю!»

И, подойдя к задумчивой парочке, он старательно вытер скатерть под самым носом у жильца.

— Ты чего? — испугался тот.

— Как чего? Мне без своего глаза никак нельзя. Дуняшка, косой черт, только ябеду знает, а за порядком глядеть она не швейцар... Дворника на лестнице...

— Пошел вон! Идиот!

Но молоденькая дама испуганно схватила жильца за руку и заговорила что-то шепотом.

— Поймет... — расслышал Лешка, — прислуга... сплетни...

У дамы выступили слезы смущения на глазах, и она дрожащим голосом сказала Лешке:

— Ничего, ничего, мальчик... Вы можете не затворять двери, когда пойдете...

Жилец презрительно усмехнулся и пожал плечами.

Лешка ушел, но, дойдя до передней, вспомнил, что дама просила не запирасть двери, и, вернувшись, открыл ее.

Жилец как пуля отскочил от своей дамы.

«Чудак, — думай Лешка, уходя. — В комнате светло, а он пугается!»

Лешка прошел в переднюю, посмотрелся в зеркало, померил жильцову шапку. Потом прошел в темную столовую и поскреб ногтями дверцу буфета.

— Ишь, черт несоленый! Ты тут целый день как лошадь работай, а она знай только шкаф запирает.

Решил идти снова помешать в печке. Дверь в комнату жильца оказалась опять закрытой. Лешка удивился, однако вошел.

Жилец сидел спокойно рядом с дамой, но галстук у него был набоку, и посмотрел он на Лешку таким взглядом, что тот только языком прищелкнул:

«Что смотришь-то! Сам знаю, что не дармоед, сложа руки не сижу».

Уголья размешаны, и Лешка уходит, пригрозив, что скоро вернется закрывать печку. Тихий полустон-полувздых был ему ответом.

Лешка пошел и затосковал: никакой работы больше не придумаешь. Заглянул в барынину спальню. Там было тихо-

тихо. Лампадка теплилась перед образом. Пахло духами. Лешка влез на стул, долго рассматривал граненую розовую лампадку, истово перекрестился, затем окунул в нее палец и помастил надо лбом волосы. Потом подошел к туалетному столу и перенюхал по очереди все флаконы.

— Э, да что тут! Сколько ни работай, коли не на глазах, ни во что не считают. Хоть лоб прошиби.

Он грустно побрел в переднюю. В полутемной гостиной что-то пискнуло под его ногами, затем колыхнулась снизу портьера, за ней другая...

«Кошка! — сообразил он. — Ишь-ишь, опять к жильцу в комнату, опять барыня взбесится, как наемни. Шалишь!..»

Радостный и оживленный вбежал он в заветную комнату.

— Я те, проклятая! Я те покажу шляться! Я те морду-то на хвост выверну!..

На жильце лица не было.

— Ты с ума сошел, идиот несчастный! — закричал он. — Кого ты ругаешь?

— Ей, подлой, только дай поблажку, так после и не выживешь, — старался Лешка. — Ею в комнаты пускать нельзя! От ей только скандал!..

Дама дрожащими руками поправляла съехавшую на затылок шляпку.

— Он какой-то сумасшедший, этот мальчик, — испуганно и смущенно шептала она.

— Брысь, проклятая! — и Лешка наконец, к всеобщему успокоению, выволок кошку из-под дивана.

— Господи, — взмолился жилец, — да уйдешь ли ты отсюда наконец?

— Ишь, проклятая, царапается! Ею нельзя в комнатах держать. Она вчера в гостиной под портьерой...

И Лешка длинно и подробно, не утаивая ни одной мелочи, не жалея огня и красок, описал пораженным слушателям все непорядочное поведение ужасной кошки.

Рассказ его был выслушан молча. Дама нагнулась и все время искала что-то под столом, а жилец, как-то странно надавливая Лешкино плечо, вытеснил рассказчика из комнаты и притворил дверь.

— Я парень смышленный, — шептал Лешка, выпуская кошку на черную лестницу. — Смышленный и работяга. Пойду теперь печку закрывать.

На этот раз жилец не услышал Лешкиных шагов: он стоял перед дамой на коленях и, низко-низко склонив голову к ее ножкам, замер, не двигаясь. А дама закрыла глаза и все лицо съежила, будто на солнце смотрит...

«Что он там делает? — удивился Лешка. — Словно пуговицу на ейном башмаке жует! Не... видно, обронил что-нибудь. Пойду поищу...»

Он подошел и так быстро нагнулся, что внезапно воспрянувший жилец пребольно стукнул ему лбом прямо в бровь.

Дама вскочила вся растерянная. Лешка полез под стул, обшарил под столом и встал, разводя руками.

— Ничего там нету.

— Что ты ищешь? Чего тебе, наконец, от нас нужно? — крикнул жилец неестественно тоненьким голосом и весь покраснел.

— Я думал, обронили что-нибудь... Опять еще пропадет, как брошка у той барыни, у черненькой, что к вам чай пить ходит... Третьего дня, как уходила, я, грит, Леша, брошку потеряла, — обратился он прямо к даме, которая вдруг стала слушать его очень внимательно, даже рот открыла, а глаза у нее стали совсем круглые.

— Ну, я пошел да за ширмой на столике и нашел. А вчерась опять брошку забыла, да не я убирал, а Дуняшка, — вот и брошке, стало быть, конец...

— Так это правда! — странным голосом вскрикнула вдруг дама и схватила жильца за рукав. — Так это правда! правда!

— Ей-богу, правда, — успокаивал ее Лешка. — Дуняшка сперла, косой черт. Кабы не я, она бы все покрала. Я как лошадь все убираю... ей-богу, как собака...

Но его не слушали. Дама скоро-скоро побежала в переднюю, жилец за ней, и оба скрылись за входной дверью.

Лешка пошел в кухню, где, укладываясь спать в старый сундук без верха, с загадочным видом сказал кухарке:

— Завтра косому черту крышка.

— Ну-у! — радостно удивилась та. — Рази что говорили?
— Уж коли я говорю, стало, знаю.
На другой день Лешку выгнали.

ПРОВОРСТВО РУК

На дверях маленького деревянного балаганчика, в котором по воскресеньям танцевала и разыгрывала благотворительные спектакли местная молодежь, красовалась длинная красная афиша:

«Специально проездом, по желанию публики, сеанс грандиознейшего факира из черной и белой магии.

Поразительнейшие фокусы, как то: сожигательство платка на глазах, добывание серебряного рубля из носа почтеннейшей публики и прочее вопреки природе».

Из бокового окошечка выглядывала печальная голова и продавала билеты.

Дождь шел с утра. Деревья сада вокруг балаганчика намокли, разбухли, обливались серым мелким дождиком покорно, не отряхиваясь.

У самого входа пузырилась и булькала большая лужа. Билетов было продано только на три рубля.

Стало темнеть.

Печальная голова вздохнула, скрылась, и из дверей вылез маленький облезлый господин неопределенного возраста.

Придерживая двумя руками пальто у ворога, он задрал голову и оглядел небо со всех сторон.

— Ни одной дыры! Все серое! В Тимашеве прогар, в Щиграх прогар, в Дмитриеве прогар... В Обояни прогар, в Курске прогар... А где не прогар? Где, я спрашиваю, не прогар? Судье почетный билет послал, голове послал, господину исправнику... всем послал. Пойду лампы заправлять.

Он бросил взгляд на афишу и оторваться не мог.

— Чего им еще надо? Нарыв в голове или что?

К восьми часам стали собираться.

На почетные места или никто не приходил, или посылали прислугу. На стоячие места пришли какие-то пьяные и стали сразу грозить, что потребуют деньги обратно.

К половине десятого выяснилось, что больше никто не придет. А те, которые сидели, все так громко и определенно ругались, что оттягивать дольше становилось опасным.

Фокусник напялил длинный сюртук, с каждой гастролью становившийся все шире, вздохнул, перекрестился, взял коробку с таинственными принадлежностями и вышел на сцену.

Несколько секунд он стоял молча и думал:

«Сбор четыре рубля, керосин шесть гривен — это еще ничего, а помещение восемь рублей, так это уже чего! Головин сын на почетном месте — пусть себе. Но как я уеду и что буду кушать, это я вас спрашиваю. И почему пусто? Я бы сам валил толпой на такую программу».

— Браво! — заорал один из пьяных.

Фокусник очнулся. Зажег на столе свечку и сказал:

— Уважаемая публика! Позволю предпослать вам предисловием. То, что вы увидите здесь, не есть что-либо чудесное или колдовство, что противно нашей православной религии и даже запрещено полицией. Этого на свете даже совсем не бывает. Нет! Далеко не так! То, что вы увидите здесь, есть не что иное, как ловкость и проворство рук. Даю вам честное слово, что никакого таинственного колдовства здесь не будет. Сейчас вы увидите необычайное появление крутого яйца в совершенно пустом платке.

Он порылся в коробке и вынул свернутый в комочек пестрый платок. Руки у него слегка тряслись.

— Извольте убедиться сами, что платок совершенно пуст. Вот я его вытряхую.

Он вытряхнул платок и растянул руками. «С утра одна булочка в копейку и чай без сахара, — думал он. — А завтра что?»

— Можете убедиться, — повторял он, — что никакого яйца здесь нет.

Публика зашевелилась, зашептала. Кто-то фыркнул. И вдруг один из пьяных загудел:

— Вре-ешь! Вот яйцо.

— Где? Что? — растерялся фокусник.

— А к платку на веревочке привязал.

— С той стороны, — закричали голоса. — На свечке просвечивает.

Смущенный фокусник перевернул платок. Действительно, на шнурке висело яйцо.

— Эх ты! — заговорил кто-то уже дружелюбно. — Тебе за свечку зайти, вот и незаметно бы было. А ты вперед залез! Так, братец, нельзя.

Фокусник был бледен и криво улыбался.

— Это действительно, — говорил он. — Я, впрочем, предупредил, что это не колдовство, а исключительно проворство рук. Извините, господа... — голос у него задрожал и пресекался.

— Ладно! Ладно!

— Нечего тут!

— Валяй дальше!

— Теперь приступим к следующему поразительному явлению, которое покажется вам еще удивительнее. Пусть кто-нибудь из почтеннейшей публики одолжит свой носовой платок.

Публика стеснялась.

Многие уже вынули было, но, посмотрев внимательно, поспешили запрятать в карман.

Тогда фокусник подошел к головиному сыну и протянул свою дрожащую руку.

— Я мог бы, конечно, и свой платок, так как это совершенно безопасно, но вы можете подумать, что я что-нибудь подменил.

Головин сын дал свой платок, и фокусник развернул его, встряхнул и растянул.

— Прошу убедиться! Совершенно целый платок.

Головин сын гордо смотрел на публику.

— Теперь глядите. Этот платок стал волшебным. Вот я свертываю его трубочкой, вот подношу к свечке и зажигаю. Горит. Отгорел весь угол. Видите?

Публика вытягивала шею.

— Верно! — кричал пьяный. — Паленым пахнет.

— А теперь я сосчитаю до трех — и платок будет опять цельным.

— Раз! Два! Три!! Извольте посмотреть!
Он гордо и ловко расправил платок.
— А-ах!
— А-ах! — ахнула и публика.
Посреди платка зияла огромная паленая дыра.
— Однако! — сказал головин сын и засопел носом.
Фокусник прижал платок к груди и вдруг заплакал.
— Господа! Почтеннейшая пу... Сбору никакого!.. Дождь
с утра... не ел... не ел — на булку копейка!
— Да ведь мы ничего! Бог с тобой! — кричала публика.
— Рази мы звери! Господь с тобой.
Но фокусник всхлипывал и вытирал нос волшебным
платком.
— Четыре рубля сбору... помещенье — восемь рублей...
во-о-о-осемь... во-о-о-о...
Какая-то баба всхлипнула.
— Да полно тебе! О господи! Душу выворотил! — крича-
ли кругом.
В дверь просунулась голова в клеенчатом капюшоне.
— Эт-то что? Расходитесь по домам!
Все и без того встали. Вышли. Захлопали по лужам,
молчали, вздыхали.
— А что я вам скажу, братцы, — вдруг ясно и звонко ска-
зал один из пьяных.
Все даже приостановились.
— А что я вам скажу! Ведь подлец народ нонеча пошел.
Он с тебя деньги сдерет, он у тебя и душу выворотит. А?
— Вздуть! — ухнул кто-то во мгле.
— Именно что вздуть. Айда! Кто с нами? Раз, два... Ну,
марш! Безо всякой совести народ... Я тоже деньги платил
некрадены... Ну, мы ж те покажем! ЖЖива.

Кокаин

Шелков и сердился, и смеялся, и убеждал — ничто не помо-
гало. Актриса Моретти, поддерживаемая своей подругой
Сонечкой, упорно долбила одно и то же.

— Никогда не поверим, — пицала Сонечка.

— Чтобы вы, такой испорченный человек, да вдруг не пробовали кокаину!

— Да честное же слово! Клянусь вам! Никогда!

— Сам клянется, а у самого глаза смеются!

— Слушайте, Шелков, — решительно запищала Сонечка и даже взяла Шелкова за рукав. — Слушайте — мы все равно отсюда не уйдем, пока вы не дадите нам понюхать кокаину.

— Не уйдете? — не на шутку испугался Шелков. — Ну это, знаете, действительно жестоко с вашей стороны. Да с чего вы взяли, что у меня эта мерзость есть?

— Сам говорит «мерзость», а сам улыбается. Нечего! Нечего!

— Да кто же вам сказал?

— Да мне вот Сонечка сказала, — честно ответила актриса.

— Вы? — выпучил на Сонечку глаза Шелков.

— Ну да, я! Что же тут особенного? Раз я вполне уверена, что у вас кокаин есть. Мы и решили прямо пойти к вам.

— Да, да. Она хотела сначала по телефону справиться, да я решила, что лучше прямо прийти, потребовать, да и все тут. По телефону вы бы, наверное, как-нибудь отверглись, а теперь уж мы вас не выпустим.

Шелков развел руками, встал, походил по комнате.

— А знаете, что я придумал! Я непременно раздобуду для вас кокаина и сейчас же сообщу вам об этом по телефону или, еще лучше, прямо пошлю вам.

— Не пройдет! Не пройдет! — завизжали обе подруги. — Скажите какой ловкий! Это чтоб отделаться от нас! Да ни за что, ни за что мы не уйдем. Уж раз мы решили сегодня попробовать — мы своего добьемся.

Шелков задумался и вдруг улыбнулся, точно сообразил что-то. Потом подошел к Моретти, взял ее за руки и сказал искренне и нежно:

— Дорогая моя. Раз вы этого требуете — хорошо. Я вам дам попробовать кокаину. Но пока не поздно, подумайтесь.

— Ни за что! Ни за что!

— Мы не маленькие! Нечего за нас бояться.

— Во-первых, это разрушает организм. Во-вторых, вызывает ужасные галлюцинации, кошмары, ужасы, о которых потом страшно будет вспомнить.

— Ну вот еще, пустяки! Ничего мы не боимся.

— Ну, дорогие мои, — вздохнул Шелков, — я сделал все, что от меня зависело, чтобы отговорить вас. Теперь я умою руки и слагаю с себя всякую ответственность!

Он решительными шагами пошел к себе в спальню, долго рылся в туалетном столе.

«Господи! Вот не везет-то! Хоть бы мелу кусочек, что ли, найти...»

Прошел в ванную. Там на полочке увидел две коробки. В одной оказался зубной порошок, в другой — борная. Призадумался.

«Попробуем сначала порошок».

Всыпал щепотку в бумажку.

— Он дивный человек! — шептала в это время актриса Моретти своей подруге Сонечке. — Благородный и великодушный. Обрати внимание на его ресницы и на зубы.

— Ах, я уже давно на все обратила внимание.

Шелков вернулся мрачный и решительный. Молча посмотрел на подруг, и ему вдруг жалко стало хорошенького носика Моретти.

— Мы начнем с Сонечки, — решил он. — Кокаин у меня старый, может быть, уже выдохся. Пусть сначала одна из вас попробует, как он действует. Пожалуйста, Сонечка, вот прилягте в это кресло. Так. Теперь возьмите эту щепотку зубного... то есть кокаину — его так называют: «зубной кокаин», потому что... потому что он очень сильный. Ну-с, спокойно. Втягивайте в себя. Глубже! Глубже!

Сонечка втянула, ахнула, чихнула и вскочила на ноги.

— Ай! Отчего так холодно в носу? Точно мята!

Шелков покачал головой сочувственно и печально:

— Да, у многих начинается именно с этого ощущения. Сидите спокойно.

— Не могу! Прямо нос пухнет.

— Ну вот. Я так и знал! Это начались галлюцинации. Сидите тихо. Ради бога — сидите тихо, закройте глаза и постарайтесь забыться, или я ни за что не ручаюсь.

Сонечка села, закрыла глаза и открыла рот. Лицо у нее было сосредоточенное и испуганное.

— Давайте же и мне скорее! — засуетилась актриса Моретти.

— Дорогая моя! Одумайтесь, пока не поздно. Посмотрите, что делается с Сонечкиным носом!

— Все равно, я иду на все! Раз я для этого пришла, уж я не отступлю.

Шелков вздохнул и пошел снова в ванную.

«Дам ей борной. И дезинфекция, и нос не вздуется».

— Дорогая моя, — сказал он, передавая актрисе порошок. — Помните, что я отговаривал вас.

Моретти втянула порошок, томно улыбнулась и закрыла глаза:

— О, какое блаженство...

— Блаженство? — удивился Шелков. — Кто бы подумал! Впрочем, это всегда бывает у очень нервных людей. Не волнуйтесь, это скоро пройдет.

— О, какое блаженство, — стонала Моретти. — Дорогой мой! Уведите меня в другую комнату... я не могу видеть, как Сонечка разинула рот... Это мне мешает забыть.

Шелков помог актрисе встать. Она еле держалась на ногах и если не упала, то только потому, что вовремя догадалась обвить шею Шелкова обеими руками.

Он опустил ее на маленький диванчик.

— О дорогой мой. Мне душно! Расстегните мне воротник... Ах! Я ведь почти ничего не сознаю из того, что я говорю... Ах, я ведь в обмороке. Нет, нет... обнимите меня крепче... Мне чудится, будто мимо нас порхают какие-то птички и будто мимо нас цветут какие-то васильки... Здесь пуговицы, а не кнопки, они совсем просто расстегиваются. Ах... я ведь совсем ничего не сознаю.

Сонечка ушла домой, не дождавшись подруги, и оставила на столе записку:

«Спешу промыть нос. Нахожу, что нюхать кокаин — занятие действительно безнравственное. Соня».

На другое утро актриса Моретти пришла к Шелкову, решительная и официальная.

Шелков встретил ее светски вежливо и любезно:

— Очень рад, милый друг. Какими судьбами...

— Милостивый государь! — строго прервала его актриса. — Я пришла вам сказать, что вы поступили непорядочно.

— Что с вами, дорогой друг? — наивно поднял брови Шелков. — Я вас не понимаю.

— Не понимаете? — фыркнула Моретти. — Так я вам сейчас объясню! Вы поступили низко. Вы знали, какое действие производит кокаин на нервных женщин, и все-таки решились дать мне.

— Ах, милый друг, ведь я же вас предупреждал, что это пренеприятная штука. Вы же сами требовали.

— Да, но вы-то должны были вести себя иначе! Воспользоваться беспомощностью одурманенной женщины, так порядочные люди не поступают.

— Позвольте! Что вы говорите? — снова удивился Шелков. — Я ровно ничего не понимаю. Что я сделал? В чем вы упрекаете меня?

Моретти покраснела, замялась и продолжала уже другим тоном.

— Вы... целовали меня и... обнимали... Вы не имели на это никакого права, зная, что я в бессознательном состоянии. Так обращаться с порядочной женщиной без намерения на ней жениться — это подло! Да!

Шелков оторопел, посмотрел ей прямо в глаза и вдруг весь затрясся от смеха.

— Почему вы смеетесь? — краснея, чуть не плача, лепетала Моретти.

— Ах, дорогая моя! Уморили вы меня! Ну можно ли так пугать. Все ужасы, о которых вы сейчас рассказываете, не что иное, как галлюцинация! Самая обычная галлюцинация, вызванная кокаином.

Моретти притихла и испуганно смотрела на Шелкова.

— Вы думаете?

— Ну конечно! И чудачка же вы! Вы тут тихонько сидели на диванчике и бредили о каких-то поцелуях, не то пуговицах, я толком не разобрал, да, признаюсь, даже не считал порядочным вслушиваться. Мало ли что можно сказать в бреду. Посторонние не должны этого знать.

Моретти слушала с открытым ртом и, только уходя, приостановилась в дверях и смущенно спросила:

— А скажите... бывают от кокаина такие галлюцинации, когда человеку кажется, что он притворяется, что у него галлюцинация?

Шелков дружески хлопнул ее по плечу и сказал весело:

— Ну конечно! Сплошь и рядом! Это самый распространенный вид. Даже в науке известно. Можете справиться у любого профессора.

Моретти вздохнула, посмотрела внимательно в честное, открытое лицо Шелкова, закрыла рот и вышла задумчивая, но спокойная.

ПОКАЯННОЕ

Старуха нянька, живущая на покое в генеральской семье, пришла от исповеди.

Посидела минуточку у себя в уголку и обиделась: господа обедали, пахло чем-то вкусным, слышался быстрый топот горничной, подававшей на стол.

— Тыфу! Страстная не страстная, им все равно. Лишь бы утробу свою напитать. Нехотя согресишь, прости господи!

Вылезла, пожевала, подумала и пошла в проходную комнату. Села на сундучок.

Прошла мимо горничная, удивилась.

— И штой-то вы, няничка, тут сидите? Ровно кукла! Ей-богу — ровно кукла!

— Думай, что говоришь-то! — огрызнулась нянька. — Эдакие дни, а она божится. Разве показано божиться в эдакие дни. Человек у исповеди был, а, на вас гляючи, до причастия испоганиться успеешь.

Горничная испугалась.

— Виновата, няничка! Поздравляю вас, исповедавшись.

— «Поздравляю»! Нынче разве поздравляют! Нынче норовят, как бы человека избидеть да упрекнуть. Давеча наливка ихняя пролилась. Кто ее знает, чего она пролилась. Тоже умней Бога не будешь. А маленькая барышня и

говорит: «Это, верно, няня пролила!» С эдаких лет и такие слова.

— Удивительно даже, няничка! Такие маленькие и так уже все знают!

— Нонешние дети, матушка, хуже акушеров! Вот они какие, нонешние-то дети. Мне что! Я не осуждаю. Я вон у исповеди была, я теперь до завтрашнего дня маковой росинки не глотну, не то что... А ты говоришь — проздравлять. Вон старая барыня на четвертой неделе говели; я Сонечке говорю: «Поздравь бабеньку». А она как фыркнет: «Вот еще! очень нужно!» А я говорю: «Бабеньку уважать надо! Бабенька помрет, может наследства лишит». Да кабы мне эдакую-то бабеньку, да я бы каждый день нашла бы с чем поздравить. С добрым утром, бабенька! Да с хорошей погодой! Да с наступающим праздником! Да с черствыми именинами! Да счастливо откушамши! Мне что! Я не осуждаю. Я завтра причащаться иду, я только к тому говорю, что нехорошо и довольно стыдно.

— Вам бы, няничка, отдохнуть! — лебезила горничная.

— Вот ужo ноги протяну, належусь в гробу. Наотдыхаюсь. Будет вам время нарадоваться. Давно бы со свету жили, да вот не даюсь я вам. Молодая кость на зубах хрустит, а старая поперек горла становится. Не слопаете.

— И что это вы, няничка! И все вас только и смотрят, как бы уважить.

— Нет, уж ты мне про уважателей не говори. Это у вас уважатели, а меня и смолоду никто не уважал, так под старость мне срамиться уж поздно. Ты вон лучше кучера пойдй спроси, куды он барыню намедни возил... Вот что спроси.

— Ой, и что вы, няничка! — зашептала горничная и даже присела перед старухой на корточки. — Куды ж это он возил? Я ведь, ей-богу, никому...

— А ты не божись. Божиться грех! За божбу знаешь как Бог накажет! А в такое место возил, где шевелящих мужчин показывают. Шевелятся и поют. Простынищу расстилают, а они по ней и шевелятся. Мне маленькая барышня рассказала. Самой, вишь, мало, так она и девчонку повезла. Сам бы узнал, взял бы хворостину хорошую да погнал бы

вдоль по Захарьевской! Сказать вот только некому. Разве нынешний народ ябеду понимает. Нынче каждому только до себя и дело. Тьфу! Что ни вспомнишь, то и согрешишь! Господи прости!

— Барин человек занятой, конечно, им трудно до всего доглядеть. — скромно опустив глаза, пела горничная. — Они народ милovidный.

— Знаю я барина твоего! С детства знаю! Кабы не идти завтра к причастию, рассказала бы я тебе про барина твоего! С детства такой! Люди к обедне идут — наш еще не продрыхался. Люди из церкви идут — наш чай с кофеями пьет. И как его только, лежебоку, дармоедину, Матерь Святая до генерала дотянула — ума не приложу! Уж думается мне: украл он себе этот чин! Где ни на есть, а украл! Вот допытаться только некому! А я уж давно смекаю, что украл. Они думают: нянька старая дура, так при ней все можно! Дура-то, может, и дура. Да не всем же умным быть, надо кому-нибудь и глупым.

Горничная испуганно оглянулась на двери.

— Наше дело, няничка, служебное. Бог с им! Пушай! Не нам разбирать. Утром-то рано в церкву пойдете?

— Я, может, и совсем ложиться не буду. Хочу раньше всех в церкву прийти. Чтоб всякая дрянь вперед людей не лезла. Всяк сверчок знай свой шесток.

— Это кто же лезет-то?

— Да старушонка тут одна. Ледащая, в чем душа держится. Раньше всех, прости господи, мерзавка в церкву придет, а позже всех уйдет. Кажинный раз всех перестоит. И хоша бы присела на минуточку! Уж мы все старухи удивляемся. Как ни крепись, а, пока часы читают, немножко присядешь. А уж эта ехида не иначе как нарочно. Статочное ли дело эстолько выстоять! Одна старуха чуть ей платок свечкой не припала. И жаль, что не припала. Не пялься! Чего пялиться! Разве указано, чтобы пялиться. Вот приду завтра раньше всех да перестою ее, так небось форсу посбавит. Видеть ее не могу! Стою сегодня на коленках, а сама все на нее смотрю. Ехида ты, думаю, ехида! Чтоб тебе водяным пузырем лопнуть! Грех ведь это — а ничего не поделаешь.

— Ничего, няничка, вы теперь исповедались, все грехи батюшке попу отпустили. Теперь ваша душенька чиста и невинна.

— Да, черта с два! Отпустила! Грех это, а должна сказать: плохо меня этот поп исповедовал. Вот когда в монастырь с тетушкой, с княгинюшкой, ездили, вот это можно сказать, что исповедовал. Уж он меня пытал-пытал, корил-корил, три епитимьи наложил! Все выспросил. Спрашивал, не думает ли княгиня луга в аренду сдавать. Ну, я покалась, сказала, что не знаю. А энтот живо скоро. Чем грешна? Да вот, говорю, батюшка, какие у меня грехи. Самые старушки. Кофий люблю да с прислугами ссорюсь. «А особых, — говорит, — нет?» А каки таки особые? Человеку каждый свой грех особый. Вот что. А он вместо того, чтобы попытать да посрамить, взял да и отпуск прочел. Вот тебе и все! Небось деньги-то взял. Сдачи-то небось не дал, что у меня особых-то нет! Тьфу, прости господи! Вспомнишь, так согресишь! Спаси и помилуй. Ты чего тут расселась? Шла бы лучше да подумала: «Как это я так живу, и все не по-хорошему?» Девушка ты молодая! Вон воронье гнездо на голове завил! А подумала ли ты, какие дни стоят. В эдакие дни эдак себя допустить. И нигде от вас, бесстыдниц, проходу нет! Исповедались пришла, дай, думала, посижу тихонько. Завтра ведь причащаться идтить. Нет. И тут доспела. Пришла, натурчала всякой пакости, какая ни на есть хуже. Чертова мочалка, прости господи. Ишь, пошла с каким форсом! Не долго, матушка! Все знаю! Дай срок, все барыне выпою!

— Пойтите отдохнуть. Прости господи, еще кто привяжется!

СВОЙ ЧЕЛОВЕК

Федор Иваныч получил на службе замечание и возвращался домой сильно не в духе. Чтобы отвести душу, стал нанимать извозчика от Гостиного двора на Петроградскую сторону за пятнадцать копеек.